

МИХАИЛ ГИНЗБУРГ

ДОПОТОПНАЯ ЭПОХА

Михаил Гинзбург
Допотопная эпоха

«Автор»

2025

Гинзбург М.

Допотопная эпоха / М. Гинзбург — «Автор», 2025

Постапокалиптический триллер о выживании последних людей на Земле после всемирного потопа. Капитан Артем, чудом уцелевший в авиакатастрофе, становится невольным лидером двадцати выживших. Им предстоит бороться не только с разрушенным миром, полным грязи, обломков и новых угроз, но и с внутренними конфликтами, отчаянием и борьбой за власть. Смогут ли они найти воду, еду, укрытие и сохранить человечность, когда вокруг царит хаос и смерть? Рассказ о надежде, стойкости и неизбежной борьбе за каждый новый день в мире, который уже не вернуть.

© Гинзбург М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Гинзбург

Допотопная эпоха

Глава 1:

Двигатели ровно гудели, монотонно, привычно, баюкая. Артем откинулся в кресле, глядя на полоску горизонта – ослепительно-яркую там, где солнце уже готовилось коснуться ее, и глубоко-синюю над головой, переходящую в бархатную черноту космоса. Это был обычный рейс, каких были тысячи. Мысли его витали где-то далеко, за сотни километров от этого стального кокона, в предвкушении встречи, в мягком образе любимого лица, ожидающего его на земле. Усталость последних перелетов давала о себе знать, но приятное возбуждение от предстоящей встречи гнало ее прочь. За бортом простирались безмятежные облака, пушистые, бесконечные, словно взбитые сливки, и небо над ними было ослепительно чистым. Воздух в кабине был сухой, кондиционированный, с легким запахом озона и кофе.

Внезапно самолет вздрогнул. Не привычный толчок от турбулентности, а глубокий, утробный удар, прошедший по всему фюзеляжу, заставивший зубы скрипнуть. Приборы взбесились, стрелки задрожали, хаотично прыгая по шкалам. Артем резко подался вперед, хватаясь за штурвал, который вдруг стал непослушным, словно живое существо, бьющееся в агонии. Второй пилот, сидевший рядом, издал короткий, сдавленный возглас. Свет в кабине мигнул и погас, оставив их в полумраке, освещаемом лишь аварийными индикаторами, мечущимися, словно сумасшедшие светлячки. В наушниках вместо привычного эфира зашипел помехами хаос.

«Что это?!» – выдохнул второй пилот, его голос был на октаву выше обычного.

Артем не ответил. Его взгляд был прикован к лобовому стеклу, к тому, что разворачивалось за ним. Там, где только что была безмятежная линия горизонта, теперь поднималась стена. Не облако, не шторм. Это была вода. Черная, бурлящая, вздымающаяся до небес, она росла с каждой секундой, закрывая собой солнце, поглощая свет, становясь безграничной, живой бездной. Сто метров. Сто метров чистой, первобытной ярости, наступающей на них. Самолет, эта машина из металла и технологий, казался вдруг хрупкой игрушкой, песчинкой, подхваченной невидимой рукой исполина. Резкий крен. Самолет заваливался набок, будто его схватили и стали тянуть вниз.

«Держись!» – прохрипел Артем, инстинктивно пытаясь выровнять машину, но штурвал почти не слушался. Он чувствовал, как земля, весь мир под ними, содрогается, меняет свою ось, опрокидывается, словно гигантский корабль, идущий ко дну. Резкий оборот. Самолет закрутило, бросило в сторону, затем резко дернуло вверх. Перегрузки вдавили их в кресла, заставляя темнеть в глазах. Он видел, как вода, эта неукротимая громада, прошла в считанных метрах под брюхом самолета, ее гребень взметнулся, словно ладонь исполина, почти касаясь их. Соленые брызги оставили мутные следы на стекле.

Шум. Невыносимый, оглушающий рев, от которого, казалось, вибрировал сам воздух. Это был не звук турбин, не шум ветра, а крик гибнущего мира, стон воды, пожирающей цивилизацию. Он слышал треск ломающихся зданий, скрежет металла, глухие удары, от которых кровь стыла в жилах. Самолет, чудом не задетый волной, все еще болтался в воздухе, словно перышко в урагане.

Спустя мгновение, которое показалось вечностью, все стихло. Не оглушающая тишина, а скорее тяжелое, давящее безмолвие, прерываемое лишь стоном ветра и слабым скрежетом деформирующегося металла где-то в обшивке. Двигатели, о чудо, продолжали работать, хотя и неровно, с надрывом. Артем, тяжело дыша, пытался привести в порядок мысли. Сердце кололо в груди, как пойманная птица. Он оглядел приборы. Большая часть из них так и осталась мертвой. Коммуникации молчали. Полностью.

«Мы... мы живы?» – голос второго пилота был хриплым, полным недоверия.

Артем кивнул, хотя сам еще не верил. Он снова посмотрел в иллюминатор. Под ними простирался хаос. Не города, не привычные пейзажи, а бескрайнее месиво из грязи, обломков, и того, что когда-то было домами, дорогами, целыми мирами. Все было смыто. Смыто и занесено десятиметровым слоем вязкой, бурой субстанции.

На горизонте, где только что была бушующая стена воды, теперь виднелись лишь низкие, рваные облака, словно шрамы на теле неба. Солнце, пробиваясь сквозь них, освещало картину невообразимого разрушения. Ни единого признака жизни. Ни одного огня. Ни одной дымящейся трубы. Просто пустота.

Глубоко внутри Артема зародилось леденящее душу осознание. Это не просто катастрофа. Это конец. Конец всего, что он знал, всего, что существовало. Но рядом сидел второй пилот. А в салоне, он знал, были и другие. Двадцать человек. Двадцать душ. Чудом выживших. И ему, Артему, капитану этого чудом уцелевшего судна, теперь предстояло решить, что делать дальше. Ужас сменялся ледяной решимостью. Он выжил. Они выжили. И теперь им придется жить. Начинать все сначала.

Глава 2: Посадка в никуда

Самолет, израненный, но непокоренный, продолжал трястись в воздухе, словно раненая птица. Артем изо всех сил пытался удержать его, чувствуя, как каждая частичка металла дрожит от пережитого шока. Приборы были мертвы, и он вел машину, полагаясь лишь на интуицию и опыт, который казался теперь доисторическим. Внизу простиралась картина, что не поддавалась осмыслению. Это был не мир, каким он его знал. Это была бесформенная, бурая масса, покрытая обломками, грязью, и лишь изредка проступающими, словно обезображенные скелеты, остовами зданий.

«Высота... падаем?» – голос второго пилота был едва слышен.

Артем кивнул, не отрывая взгляда от безжизненного пейзажа. «У нас нет выбора. Надо садиться. И быстро».

Казалось, что внизу нет ни одного участка, пригодного для посадки. Сплошное месиво из грязи и мусора, покрытое слоем ила, который, должно быть, оставила после себя стометровая волна. Каждый порыв ветра грозил столкнуть их с курса, а двигатели, жалобно подвывая, грозили заглухнуть в любой момент. Артем стиснул зубы. Сейчас он был не просто пилотом, он был последней надеждой этих двадцати душ, запертых в этой железной банке.

Он начал медленное, мучительное снижение, выискивая хоть какой-то просвет, хоть крошечный участок, который мог бы стать их спасением. Глаза его, привыкшие к бескрайним горизонтам и четким линиям взлетных полос, теперь напряженно вглядывались в этот хаос. В воздухе стоял тяжелый, затхлый запах сырой земли, разложения и чего-то еще, более тонкого, но оттого не менее ужасающего – запах гибели. Он почти ощущал его вкус на языке.

Наконец, впереди, среди бескрайней трясины, показалось что-то похожее на широкое, но короткое плато, чуть возвышающееся над остальным кошмаром. Покрытое тем же слоем грязи, оно все же выглядело чуть более твердым. «Туда, – прошептал Артем, словно обращаясь не к второму пилоту, а к самому самолету, – только туда».

Посадка была жесткой. Самолет ударился о землю, подпрыгнул, снова врезался, и с оглушительным скрежетом, разрывая обшивку и ломая стойки шасси, начал скользить по вязкой, чавкающей грязи. Каждый толчок отдавался болью в теле, каждый скрежет – в зубах. Кабина наполнилась пылью, запахом горелой проводки и озона. Пассажиры кричали. Артем чувствовал, как его голова ударяется о спинку кресла, но не выпускал штурвала, инстинктивно пытаясь погасить скорость. Наконец, с последним, особенно сильным рывком, самолет замер. Наступила тишина. Глухая, звенящая, в которой было слышно лишь собственное сбившееся дыхание.

Артем медленно поднял голову. Солнечный свет, пробиваясь сквозь грязные иллюминаторы, освещал пыльные, искореженные кресла. Он отстегнул ремни, почувствовал, как ноет каждый мускул. Его глаза пробежались по приборной панели. Полный разгром.

«Ты в порядке?» – спросил он второго пилота. Тот сидел, прижав руку к виску, из которого сочилась тонкая струйка крови.

«Кажется... да, – пробормотал он, – Что это было?»

Артем лишь покачал головой. Он знал, что это было. Конец. Но говорить об этом не было ни сил, ни смысла. Сейчас было важно другое. Они сели. Хоть и чудом, хоть и в никуда, но сели.

Дверь в кабину распахнулась. На пороге стояла бледная Мария, молодая врач, ее обычно аккуратные волосы растрепаны, на лице – шок, но в глазах – проблеск решимости. За ней виднелись такие же бледные, испуганные лица пассажиров. Их глаза были полны вопросов, страха, и... хрупкой надежды. Надежды, которую Артему теперь предстояло оправдать.

«Все живы?» – спросила Мария, ее голос дрожал.

«Пока да, – ответил Артем, вставая с кресла. Он чувствовал тяжесть во всем теле, но это была не столько физическая боль, сколько груз новой, необъятной ответственности. – Надо выбираться. И осмотреться».

Он взглянул в иллюминатор. Под ними простиралась бескрайняя, мертвая равнина, покрытая грязью и обломками. Вдалеке, на горизонте, виднелись лишь искаженные, обезображенные силуэты того, что когда-то было горами или, возможно, небоскребами. Тишина была неестественной, оглушительной. Ни птиц, ни ветра, ни единого звука, кроме их собственного дыхания. Мир умер. И они, эти двадцать человек, были единственными, кто чудом избежал его участи.

Первые минуты выживания. Первые шаги по этой новой, незнакомой земле. Воздух был влажным, тяжелым, с запахом тлена и невысказанных объемов разрушения. Они были одни. Совершенно одни. И эта мысль, тяжелая и необъятная, обрушилась на Артема со всей силой.

Глава 3: Последние люди

Сырой, тяжелый воздух обволакивал, проникая под одежду, до самых костей. Артем, хромя и ощущая каждый ушиб, выбрался из искореженного фюзеляжа на вязкую, чавкающую грязь. Запах тлена, сырой земли и невыразимого разрушения ударил в нос с новой силой. Он оглянулся на самолет, его когда-то гордый стальной корпус теперь был изуродованным остовом, наполовину увязшим в бурой жиже.

За ним, один за другим, выбирались пассажиры. Их лица были бледны, в глазах застыл немой ужас. Шок, отрицание, истерика – весь спектр человеческих реакций на невысказанное горе проступал на их лицах, словно невидимая печать. Молодая женщина, кажется, по имени Ольга, упала на колени, из ее горла вырвался надрывный, беззвучный крик. Пожилой мужчина, Виктор, пытался стряхнуть грязь с дорогого костюма, его движения были резкими, полными нервной энергии. Елена, пожилая учительница, сидела на обломке крыла, прижав к груди выдавшую виды сумку, ее взгляд был направлен в пустоту. Подросток Саша, ссадины на лбу, смотрел вокруг широко раскрытыми, полными потрясения глазами.

«Мы должны сосчитать, сколько нас», – голос Артема, несмотря на внутреннюю дрожь, прозвучал твердо. Он постарался придать ему максимальную уверенность, хоть сам и не чувствовал ее. Он был пилотом, обученным принимать решения в стрессовых ситуациях, но такой катастрофы не было ни в одном симуляторе, ни в одном учебнике. Он был лидером поневоле, и ответственность за выживание этих людей тяжелым грузом легла на его плечи.

Мария, молодая врач, которая уже успела осмотреть второго пилота, энергично кивнула. Ее руки, несмотря на очевидное волнение, были быстры и точны. Она начала переключку, называя имена, которые Артем слышал мельком во время посадки. «Господин Смирнов?» – «Здесь». – «Миссис Петрова?» – «Я... я здесь».

Постепенно, с трудом, они собрались в небольшую, сплоченную горем группу. Двадцать человек. Единственные, кто избежал неминуемой гибели. Он ощутил пронзительное, почти физическое чувство одиночества. Миллиарды людей, целая цивилизация, исчезли, смытые одним гигантским вздохом планеты, и теперь они, горстка чудом уцелевших, стояли посреди бескрайней, мертвой пустоши. Это порождало глубокое чувство вины выжившего, которое он старался подавить, но которое подсознательно давило на него.

«Что... что нам теперь делать?» – спросил кто-то из толпы, его голос был надломлен.

Виктор, бывший бизнесмен, шагнул вперед. Его лицо было жестким, глаза – холодными. «Очевидно, ждать помощи. Кто-то же должен нас найти».

Артем покачал головой. «Помощи не будет. Мы видели это. Волну. Она накрыла все. Радио молчит. Если бы кто-то выжил, мы бы знали». Его голос был лишен надежды, но не жестокости. Он говорил факты, каким бы чудовищными они ни были. «Мы одни. Совершенно одни».

По рядам прошел стон. Кто-то всхлипнул. Саша, подросток, ссадины на лбу, сжал кулаки, на его лице отразилась смесь страха и ярости. Елена тихонько начала бормотать молитву.

«Тогда что?» – Виктор скрестил руки на груди. В его вопросе уже чувствовался вызов.

«Для начала, – произнес Артем, глядя каждому в глаза, – нам нужно найти воду и хоть какое-то укрытие. Здесь оставаться опасно. Самолет может в любой момент развалиться, да и грязь эта... кто знает, что в ней». Он посмотрел на Марию. «Мария, вы врач. Ваша помощь будет жизненно необходима». Затем его взгляд упал на Дмитрия, инженера-строителя. «Дмитрий, ваши навыки могут быть бесценны».

Артем чувствовал, как начинает работать его пилотское мышление – логика, расчет, быстрое принятие решений. Он должен был взять ситуацию под контроль. Это был его долг, его ноша, даже если он не хотел быть этим лидером.

«Мы должны организовать, – продолжил Артем. – Паника нам не поможет. Мы выжили. Это чудо. И мы должны использовать этот шанс».

Он чувствовал на себе взгляды. Недоверие, страх, но и крупинки надежды. В его глазах отражалось все: усталость, пронизательность, и следы пережитого стресса, легкая хмурость и напряженность в линии челюсти. Он знал, что впереди будет невыносимо тяжело. Но сейчас, глядя на этих людей, на последних представителей человечества, он понимал, что у них нет другого выбора. Только вперед.

Глава 4: Вода ушла

Затхлый, влажный воздух сдавливал грудь. Грязь чавкала под ногами с каждым шагом, тяжелыми комьями налипая на обувь, сковывая движения. Артем повел группу от разбитого самолета, оставляя за собой борозды в вязкой, бурой массе. Вокруг простиралось безмолвие, настолько глубокое, что оно, казалось, проникало в самую душу, вытесняя все звуки, все мысли, кроме одной – одиночества.

Мир был мертв. Там, где когда-то возвышались города, теперь были лишь бесформенные холмы из грязи и обломков, их очертания едва угадывались под толстым слоем грязи. Некоторые здания торчали из этой липкой массы, словно сломанные зубы гигантского черепа, их окна зияли пустотой, как глазницы, в которых давно угас свет. Контраст между прошлым величием цивилизации и ее нынешними руинами был невыносим. Небоскребы, когда-то дотягивавшиеся до облаков, теперь были лишь уродливыми, изуродованными скелетами, погребенными под десятиметровым слоем ила.

"Это... нереально", – прошептала Мария, ее голос был тонким, как нить, что вот-вот оборвется. Она провела рукой по лицу, словно пытаясь стереть увиденное.

"Реально", – глухо произнес Виктор, его обычная надменность сменилась каким-то остекленевшим ужасом. Он не пытался больше отряхнуть грязь, просто стоял, опустив руки.

Артем ощущал это физически. Запах разложения, сырости и чего-то едкого, химического, смешивался в воздухе. Он видел искореженные деревья, обрывки проводов, куски асфальта, выброшенные на грязевые отмели, словно морской мусор. Все было покрыто толстым слоем ила, который застыл, образуя неровные, скользкие поверхности. Ни единого растения, ни одного животного. Только смерть и разрушение. Казалось, что сама земля оплакивает случившееся, покрываясь траурным саваном.

Елена, пожилая учительница, тихонько всхлипывала, прикрыв рот рукой. Саша, подросток, нервно озирался по сторонам, его глаза, привыкшие к ярким огням и бесконечным потокам информации, теперь натыкались лишь на бесконечную пустоту.

Артем остановился на небольшом возвышении, откуда открывался еще более ужасающий вид. Ничего. Абсолютно ничего. Никаких признаков других выживших, никаких звуков, кроме их собственного неровного дыхания. Он ожидал найти хоть что-то, что дало бы им зацепку, хоть какой-то путь. Но мир был стерт. Картина полного одиночества давила на него, на его измученную психику. Он ощущал вес вины выжившего, которая давила, словно камень, на грудь. Почему именно он? Почему не она?

«Куда мы идем?» – вопрос прозвучал из толпы, наполненный безнадежностью.

Артем обернулся. Двадцать пар глаз смотрели на него, полных отчаяния, страха и невысказанного вопроса: что теперь? Он был пилотом гражданской авиации, привыкшим к порядку и контролю. Но здесь не было карт, не было диспетчеров, не было правил. Был только этот разрушенный мир.

«Мы должны найти что-то... что-то целое, – произнес он, его голос был сухим, но решительным. – Укрытие. И, возможно, воду. Но не здесь». Он указал на запад, где горизонт казался чуть более высоким, менее затопленным. «Туда. Может быть, там есть возвышенности, которые не так сильно занесло».

Виктор фыркнул. «Что там может быть? Такая же грязь. Мы можем увязнуть. У нас нет ни еды, ни воды. Это самоубийство».

«Остаться здесь – верная смерть, – отрезал Артем. – Самолет – это ловушка. Мы должны двигаться. Нам нужно искать. Что-то».

Елена, подняв голову, посмотрела на Артема. В ее глазах, несмотря на боль, горел слабый огонек надежды. «Он прав. Мы не можем просто сидеть и ждать».

Подросток Саша, до этого молчавший, вдруг кивнул. «Я пойду. Что мы теряем?»

Артем почувствовал, как в его груди зарождается крошечная, едва заметная искра. Они были сломлены, но не сломлены до конца. Он был лидером поневоле, отчаянно ищущим свою невесту, но обстоятельства вынуждали его принимать решения, затрагивающие судьбы всех. Он не хотел этого бремени, но выбора не было. Им придется бороться за каждый глоток воздуха, за каждый день. И первым шагом было двигаться. Уйти отсюда. В неизвестность.

Глава 5: Первый лагерь

Под тяжелым, свинцовым небом группа медленно двигалась вперед, каждый шаг давался с трудом. Грязь, словно живое существо, цеплялась за ноги, пытаясь удержать. Впереди, маяча искаженным остовом, виднелся хвостовой отсек самолета, оказавшийся относительно целым. Артем решил, что это будет их первый, пусть и временный, лагерь. Хоть какая-то защита от мира, который, казалось, был настроен против них.

Воздух был пропитан запахом гниения и сырости, и каждый вдох отдавал привкусом тлена. Вокруг них простирались руины, покрытые толстым слоем грязи, напоминающие о былом величии цивилизации, которая теперь была погребена под этим бурым саваном. Вдалеке, сквозь пелену влажного воздуха, едва проступали силуэты того, что когда-то было горами или, возможно, небоскребами, теперь превращенными в безмолвные памятники исчезнувшему миру.

«Нам нужно расчистить здесь хоть немного», – голос Артема прозвучал хрипло, но с новой, появившейся твердостью. Он окинул взглядом группу. Их лица были покрыты грязью, глаза – покраснели от слез и недосыпа. Они были измотаны, но в их взглядах уже не было той беспросветной паники, что царила в первые часы. Теперь была лишь усталость и немое подчинение.

Первым делом они попытались достать что-то из самолета. Дмитрий, инженер, несмотря на свою замкнутость, первым делом оценил, что можно использовать. Он быстро нашел несколько относительно уцелевших пледов, несколько аварийных фонариков и, что самое ценное, кое-какие остатки еды – сухие пайки, предназначенные для экстренных ситуаций. Это была кроха, но в условиях абсолютного голода она казалась целым пиром.

Мария, молодая врач, тем временем осматривала выживших. Ее движения были осторожными, а взгляд – сосредоточенным. У кого-то были ушибы, у кого-то – царапины, но серьезных ранений, к счастью, не было. Ее присутствие само по себе вселяло хрупкую надежду.

Саша, подросток, с необузданной энергией принялся помогать Дмитрию, оттаскивая обломки и расчищая пространство внутри хвостовой части. Его юношеский оптимизм, хоть и поблекший, все еще пробивался сквозь общий мрак. Елена, пожилая учительница, начала тихонько успокаивать одну из женщин, которая все еще всхлипывала, прижимаясь к ней. Она, как моральный компас группы, пыталась поддерживать в них подобие порядка и человечности.

Но не все были готовы к сотрудничеству. Виктор, бывший бизнесмен, стоял в стороне, скрестив руки, его лицо выражало неприкрытое презрение. «И это все? – пробасил он. – Мы будем жить в металлической банке, как бомжи? Где ваша стратегия, капитан?»

Артем повернулся к нему. «У нас нет выбора, Виктор. Мы берем то, что есть. И организовываемся. Если у вас есть идеи получше, я готов выслушать». Его голос оставался спокойным, но Артем чувствовал, как внутри закипает раздражение. Он боролся с необходимостью быть жестким ради выживания группы, при этом пытаясь сохранить свою человечность.

Виктор лишь фыркнул, но ничего не сказал. Его прагматизм граничил с безжалостностью, и Артем знал, что конфликт между ними неизбежен.

Когда наступил вечер, мир погрузился в абсолютную темноту. Холод пробирал до костей, и лишь слабый свет от нескольких фонариков, найденных в самолете, создавал иллюзию безопасности внутри импровизированного убежища. Артем раздал сухие пайки. Каждый кусок еды был на вес золота. Люди ели молча, медленно, словно пытаясь растянуть этот крошечный момент облегчения.

Артем сидел, прислонившись к холодной обшивке самолета, и слушал тишину. В ней не было привычных звуков города, ни далекого гула машин, ни голосов, ни даже пения птиц. Только редкое шуршание ветра, проносающегося над руинами, да скрип металла. Эта тишина была громче любого шума, она кричала о безвозвратной потере. Он вспомнил свою невесту, ее смех, тепло ее руки, и глубокое отчаяние подступило к горлу. Он видел конец света своими глазами, и каждый раз, когда надежда на что-то рушилась, он чувствовал ее вес сильнее, чем кто-либо.

Но потом он посмотрел на спящих людей. Они доверились ему. Он был их лидером, пусть и поневоле. И сейчас, в этой абсолютной пустоте, его личная миссия по поиску невесты казалась такой же далекой, как звезды, но ответственность за этих людей, за последние крохи человечества, была здесь и сейчас. Он должен был бороться. За них. За будущее, которого, возможно, уже не существовало.

Глава 6: Эхо прошлого

Ночь в импровизированном убежище из обломков самолета была долгой и мучительной. Холод пронизывал, несмотря на скудные пледы, а каждый шорох за бортом заставлял вздрагивать. На рассвете, когда небо на востоке едва начало сереть, окрашиваясь в болезненно-серые тона, Артем поднялся. Усталость давила, но он понимал: сидеть сложа руки нельзя.

«Нам нужно проверить связь, – сказал он, обращаясь к немногочисленной группе, которая уже проснулась. – В самолете должно быть хоть что-то». Он обратился к Дмитрию. «Дмитрий, можете взглянуть на радиостанцию? Может, есть шанс?»

Дмитрий, несмотря на свою немногословность, сразу приступил к делу. Он был инженером-строителем, и его практические знания теперь были бесценны. В течение часа он копался в искореженной приборной панели, его лицо было сосредоточено. Остальные, кто мог, помогали разбирать завалы, надеясь найти хоть что-то полезное. Каждый предмет, напомиравший о прежней жизни, вызывал волну горя и ностальгии. Вот детский рисунок, выцветший и помятый, найденный между сиденьями. Вот обломок очков, которые, возможно, принадлежали пожилому человеку, что сидел неподалеку. Каждый такой артефакт был как удар по сердцу, напоминание о том, что было и что безвозвратно ушло.

Мария нашла аптечку, почти целую, что вызвало тихий вздох облегчения. Ее присутствие и навыки давали хрупкую надежду. Елена, пожилая учительница, молча собирала уцелевшие книги и журналы, словно пытаясь спасти хоть крохи человеческой культуры. Ее вера в добро и человечность столкнулась с жестокостью нового мира, но она не сдавалась.

В это время Виктор, бывший бизнесмен, с характерной для него прагматичностью, осматривал грузовой отсек. Его глаза, привыкшие к цифрам и сделкам, теперь оценивали потенциальную ценность каждого уцелевшего предмета, пусть даже деньги и связи в этом новом мире ничего не значили. Он был сосредоточен на выживании, и его методы были безжалостны. Он был потенциальным лидером или антагонистом, и Артем чувствовал нарастающее напряжение между ними.

«Ничего, – наконец глухо произнес Дмитрий, выпрямляясь из-за приборной панели. – Все мертво. Короткое замыкание, скорее всего. И антенна... ее просто нет».

Его слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец. Радио молчало. Это было не просто подтверждение, это было окончательное осознание полного одиночества. Никто не придет. Никто не знает, что они здесь. Они были последними.

Саша, подросток, который до этого момента держался относительно бодро, отвернулся, его плечи задрожали. Для него, как и для многих, этот конец связи означал конец последней иллюзии. Он был символом будущего, но ему было сложно принять потерю всего, что он знал.

«Значит, мы в изоляции», – голос Виктора прозвучал почти с удовлетворением, словно он ожидал этого.

«Значит, мы полагаемся только на себя», – поправил его Артем, его взгляд был прямым и жестким. Он чувствовал, как отчаяние подкатывает к горлу, но подавил его. Он был лидером поневоле, и не мог позволить себе сдаться. «Пока мы в безопасности здесь. Нам нужно искать воду. И еду. Мы не можем сидеть вечно».

Он посмотрел на горизонт, где небо все еще оставалось серым, но обещало солнечный день. Мир был разрушен, занесен грязью, и вся человеческая цивилизация, казалось, была смыта водой. Но они выжили. И это было все, что имело значение. Воспоминания о прошлом – о невесте, о привычной жизни – давили на него, но он понимал, что сейчас нужно думать о настоящем. И о том, как выжить.

Глава 7: Новые угрозы

Дни сливались в серую, вязкую полосу. Первый лагерь, устроенный в хвостовой части самолета, становился все более тесным и давящим. Запах сырости и безысходности пропитывал воздух. Еда, найденная в пайках, быстро заканчивалась, и каждый понимал: без новых источников пропитания они обречены. Артем, несмотря на свою внутреннюю борьбу между личным поиском невесты и коллективной ответственностью, взял на себя бремя организации. Он был прагматичен, но старался сохранить эмпатию.

«Нам нужно выходить, – объявил он утром, когда небо нависло над ними низким, угрожающим куполом. – Искать. Есть два варианта: либо мы находим что-то в этих руинах, либо мы голодаем».

Лица выживших выражали смесь страха и обреченности. Никто не хотел снова ступить в этот мертвый мир, полный немых свидетельств катастрофы. Виктор, бывший бизнесмен, привыкший к контролю и власти, тут же выразил недовольство: «И что мы там найдем, капитан? Смерть? Грязь? Мы сидим здесь, и по крайней мере, в относительной безопасности».

«Здесь нет безопасности, Виктор, – отрезал Артем, его голос был холоден, как утренний воздух. – Это ловушка. Мы можем найти еду. Инструменты. Может быть, хоть что-то, что поможет нам выжить. Иначе...» Он не договорил, но все понимали, что означало это «иначе».

Было решено отправить небольшие группы на разведку. Артем возглавил одну из них. С ним пошли Дмитрий, инженер, чьи практические навыки были неоценимы, и Саша, подросток, чья необузданная энергия могла быть как источником проблем, так и неожиданной помощи. Их окружающий мир был безмолвным, но полным скрытых опасностей. Разрушенные постройки, неустойчивые кучи обломков, провалы в земле, образованные чудовищной волной, – каждый шаг мог стать последним.

В воздухе висел тяжелый, сладковатый запах разложения, смешиваясь с едким ароматом сырой земли. Под ногами чавкала вязкая грязь, а вдалеке, сквозь плотную пелену влаги, виднелись лишь искаженные, обезображенные силуэты того, что когда-то было знакомыми ориентирами. Картина контраста между прошлым величием и нынешними руинами была настолько явной, что от нее перехватывало дыхание.

Они двигались осторожно, пробираясь сквозь груды искореженного металла и бетона. В какой-то момент Саша, беспечно прыгая по обломкам, чуть не сорвался в глубокий провал, скрытый под слоем ила. Артем успел схватить его за руку в последний момент.

«Будь осторожен, Саша! – рявкнул Артем, его сердце колотилось в груди. – Одна ошибка, и мы потеряем тебя!»

Саша побледнел, его обычно бойкие глаза наполнились страхом. «Я... я не видел».

Дмитрий, молчаливый и сосредоточенный, начал осматривать обломки, пытаясь определить их устойчивость. Его навыки были ценны, но теперь он сталкивался с ограниченностью ресурсов и вынужден был импровизировать в примитивных условиях.

Вскоре они наткнулись на останки того, что, по всей видимости, было небольшим супермаркетом. Здание было наполовину разрушено, его витрины выбиты, а внутри царил хаос. Все было покрыто толстым слоем грязи, но в некоторых местах, под обломками, виднелись остатки полок. Надежда вспыхнула, но тут же угасла. Полки были пусты. Либо все смыло, либо растащили еще до прихода волны.

«Ничего, – разочарованно произнес Артем. – Только...» Он замолчал, его взгляд упал на что-то, лежавшее под кучей мусора. Это был искореженный остов велосипеда. И рядом с ним... Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Неожиданно из-за груды обломков донесся низкий, утробный рык. Звук, который заставил их всех замереть. Он не был похож ни на что, что они слышали раньше. Это был звук дикого животного, но в нем чувствовалась какая-то неестественная, первобытная ярость.

«Что это?» – прошептал Саша, его лицо побледнело.

Артем, как пилот, привыкший к быстрым решениям в стрессовых ситуациях, инстинктивно схватил обломок арматуры. Его сердце бешено колотилось. Голод. Это была новая угроза, куда более реальная, чем нестабильные постройки. Мир изменился, и теперь они были не просто выжившими, они были добычей. Он чувствовал, как вина выжившего, то, что он выжил, когда миллиарды погибли, теперь переплетается с инстинктом самосохранения.

Из тени вышел зверь. Он был похож на большую собаку, но его шерсть свалаялась от грязи, глаза горели голодным, безумным огнем, а из пасти капала слюна. Он был тощим, с впалыми боками, и в его рыке слышалось отчаяние. Зверь был один, но его агрессия была очевидна.

«Назад! – скомандовал Артем. – Медленно! Не делайте резких движений!»

Их первый выход в этот разрушенный мир обернулся не просто поиском ресурсов, но и первой встречей с новыми опасностями. Это было лишь начало.

Глава 8: Кто главный?

Столкновение с диким зверем, обезумевшим от голода, стало холодным душем для всей группы. Артем, отпугивая собаку, чувствовал, как напряжение внутри лагеря нарастает. Их хрупкое убежище, искореженный хвост самолета, казалось, больше не давало ощущения безопасности. Запах сырости и тлена проникал внутрь, напоминая о вездесущей гибели.

Вечером, когда темнота окончательно поглотила руины мира, а слабый свет фонариков лишь подчеркивал их изоляцию, Виктор вновь вышел вперед. Его лицо, обычно гладкое и надменное, теперь было жестким, с прорезавшимися морщинами усталости, но глаза горели холодной решимостью. «Капитан, – начал он, обращаясь к Артему, его голос был громким и резким, – мы не можем так продолжать. Мы выходим из зоны комфорта, а вы ведете нас прямо в пасть... этого кошмара. Что мы нашли? Ничего. А чуть не потеряли ребенка».

Артем, сидевший у импровизированного костра из обломков, поднял голову. Он чувствовал, как внутри него растет раздражение. «Мы ищем выживших, Виктор. Ищем ресурсы. У нас нет выбора. Или вы предлагаете голодать здесь?»

«Я предлагаю здравый смысл! – Виктор сделал шаг вперед. – Ваши методы... слишком наивны. Мы здесь не в отпуске. Это вопрос выживания, и вы слишком мягкотелы для этого». Он оглядел остальных выживших, их лица выражали смесь страха, усталости и любопытства. Некоторые, как казалось Артему, поддались на его манипуляции. «Мы должны быть жесткими! Если кто-то мешают, мы должны... принимать решения. Эффективные решения».

Елена, пожилая учительница, сидевшая неподалеку, подняла голову. В ее глазах, полных мудрости и печали, горел огонек негодования. «Какие решения вы предлагаете, Виктор? Отбросить человечность? У нас осталось только это».

«Человечность не накормит нас, Елена Павловна! – отрезал Виктор. – Мы здесь, чтобы выжить, а не читать морали. Нам нужен лидер, который способен принимать настоящие решения. Без сентиментальностей». Его взгляд вновь вернулся к Артему. «Я привык к контролю. К власти. Ваши деньги и связи теперь ничего не значат, но я знаю, как руководить. Я могу обеспечить выживание».

Мария, молодая врач, вмешалась, ее голос был тихим, но уверенным. «Мы все на пределе, Виктор. Нам нужна сплоченность, а не распри. Артем делает все, что может».

«Все, что может? – Виктор презрительно хмыкнул. – Его личная миссия – найти свою невесту, а мы здесь – просто пассажиры его утопающего корабля».

Это попало в самое больное место. Артем почувствовал, как напряжение в его челюсти усиливается. Слова Виктора были несправедливыми, но в них была доля правды. Он отчаянно хотел найти свою невесту, и это было его главным двигателем, но он вынужден был принимать решения, затрагивающие судьбы всех. Он не хотел быть лидером, но стал им из-за своих навыков и отсутствия других очевидных кандидатов.

«Я не хотел этой ответственности, Виктор, – голос Артема прозвучал тихо, но каждое слово было наполнено скрытой силой. – Но кто-то должен это делать. И я не буду жертвовать людьми ради вашей „эффективности“. Не в этом мире».

Саша, подросток, сидевший рядом с Дмитрием, внезапно вскочил. Его лицо было красным от возмущения. «Вы просто хотите все решать! Как будто мы вам что-то должны!»

Виктор холодно посмотрел на него. «Молчи, щенок. Это не твоя война».

«Это война каждого из нас», – ответил Артем, вставая. Он был спортивного телосложения, и его рост, пусть и средний, позволял ему смотреть на Виктора сверху вниз. В его уставших, но пронизательных глазах читалась сталь. Он привык к логике, расчетам и холодным решениям, но здесь ему приходилось сталкиваться с глубокими эмоциональными проявлениями.

«Мы принимаем решения вместе, – сказал Артем, обводя взглядом всех. – Каждый имеет право голоса. Но когда решение принято, мы следуем ему. Или погибнем поодиночке».

В воздухе повисло напряжение. Виктор не отступил, его глаза не отрывались от Артема, но он и не бросился в открытую конфронтацию. Ему не хватало прямой поддержки большинства. Этот конфликт, этот невысказанный вызов, стал первым серьезным расколом внутри группы, демонстрацией безжалостного прагматизма Виктора. Артем понимал, что это только начало их борьбы не только с внешним миром, но и с самими собой, с теми, кто утратил человеческий облик или только начинал его терять.

Глава 9: Решение о движении

На следующий день напряжение в импровизированном лагере витало в воздухе, плотное и оседаемое, словно сырой туман. Конфликт между Артемом и Виктором не угас, а лишь затаялся, тлея под поверхностью. Каждый взгляд, каждое движение, казалось, были пронизаны этой невысказанной борьбой за лидерство. Артем чувствовал тяжесть ответственности, которая давила на него. Он был обучен командовать в самолете, но нести ответственность за выживание всего человечества – это был совершенно другой уровень.

Утро не принесло облегчения. Небо оставалось низким и серым, а запах разложения и затхлости пропитывал каждый вдох. Обломки самолета, их единственное убежище, начали давать о себе знать – холод проникал сквозь пробоины, а сырость накапливалась, угрожая болезнями. Мария, молодая врач, которая боролась с эмоциональным выгоранием и чувством неадекватности, подтвердила худшие опасения: у нескольких человек поднялась температура, появились кашель и слабость. Антисанитария и тяжелые условия брали свое.

«Мы не можем здесь оставаться, – произнес Артем, его голос был сухим, но решительным. – Это место нас убивает. Медленно, но верно». Он обвел взглядом уставшие, испуганные лица выживших. «Нам нужно двигаться. Искать более безопасное место. Что-то, что не будет похоже на... могилу».

Виктор тут же поднял голову, его глаза сузились. «И куда вы предлагаете двигаться, капитан? В ту же грязь, где нас чуть не сожрала дикая собака? У нас нет карт, нет GPS, нет никакой информации. Это чистое самоубийство». Его прагматизм граничил с безжалостностью, и он постоянно ставил под сомнение решения Артема.

«Мы видели возвышенность на западе, – возразил Артем. – Там, возможно, земля суше. Может быть, найдем пресную воду. Нам нужно рискнуть. Оставаться здесь – не риск, а верная смерть».

Елена, пожилая учительница, выступила вперед. Ее лицо, несмотря на усталость, выражало спокойную решимость. «Артем прав. Мы не можем просто сдать. Мы обязаны бороться за нашу жизнь. И за наше будущее». Она была хранительницей человечности, моральным компасом группы.

Саша, подросток, который переживал потерю всего, что знал, кивнул. «Я готов идти. Сидеть здесь... это хуже, чем идти».

Дмитрий, инженер, углубившись в расчеты, наконец поднял взгляд. «Если мы пойдем на запад, то сможем ориентироваться по солнцу. И, возможно, найдем более высокие точки, откуда будет лучше видно». Его практические знания были незаменимы.

Артем представил свой план. Он был простым, почти примитивным, но это был единственный шанс. Они соберут все, что можно унести из самолета, и двинутся к горизонту. Но сопротивление Виктора было сильным. Он пытался подорвать авторитет Артема, используя страх и отчаяние других.

«Это безумие! – кричал Виктор. – Вы ведете их на убой! У меня есть свой план. Мы можем оставаться здесь, укрепить самолет, попытаться собрать дождевую воду. Это безопаснее!»

«Безопаснее? – голос Артема прозвучал резко. – Где здесь безопасность, Виктор? Мы здесь медленно умираем. Ваш план – это план загнивания. Мой план – это план на движение. На жизнь». Он чувствовал, как внутри него борются прагматизм и эмпатия. Он был привык к логике, но сейчас ему приходилось сталкиваться с глубокими эмоциональными проявлениями.

Группа разделилась. Некоторые, испуганные и отчаявшиеся, склонялись к предложению Виктора, боясь неопределенности пути. Другие, вдохновленные решимостью Артема и Елены, были готовы идти.

В итоге, после долгих споров и напряженного голосования, большинство приняло решение Артема. Они двинутся. Оставшиеся запасы были распределены. Немногие уцелевшие вещи собраны в импровизированные котомки. Чувство уязвимости и неопределенности давило на всех. Но в то же время, в этом решении двигаться, был и проблеск надежды – пусть и хрупкой, почти неосязаемой, но надежды на то, что впереди, за горизонтом, их ждет нечто большее, чем этот затопленный, погребенный мир.

Глава 10: Путь в неизвестность

Раннее утро было хмурым, с низко висящим небом, предвещающим затяжной дождь. Воздух был наполнен едким запахом сырой земли и обломков, которые теперь составляли их новый мир. Группа из двадцати человек, некогда незнакомцев, а теперь связанных общей бедой, стояла у искореженного хвоста самолета – их временного пристанища, которое они были вынуждены покинуть. Вся их поклажа состояла из нескольких уцелевших пледов, остатков сухих пайков, аптечки Марии и нескольких инструментов, найденных Дмитрием. Это было ничтожно мало, но они были вынуждены нести все сами, на своих плечах.

Артем стоял впереди, его взгляд был устремлен на запад, к едва различимой гряде возвышенностей. В его глазах, усталых, но пронизательных, читалась решимость, смешанная с глубоким отчаянием. Он цеплялся за воспоминания о прошлом мире – о своей невесте, о привычной жизни. Это мешало ему полностью адаптироваться к жестоким реалиям нового мира. Но сейчас он был лидером поневоле, и нести ответственность за выживание этих людей было его долгом.

«Готовы?» – спросил он, его голос был глухим, но твердым.

В ответ послышались вздохи, нервные переглядывания. Виктор, бывший бизнесмен, стоял в стороне, его лицо выражало неприкрытый скептицизм. Он пытался вернуть себе влияние, используя манипуляции, но сейчас его голос был заглушен тяжестью общего решения. Его прагматизм граничил с безжалостностью.

Елена, пожилая учительница, подошла к Саше, подростку, который нервно теребил край своей помятой куртки. Она тихонько что-то ему говорила, пытаясь успокоить и вселить надежду. Ее вера в добро и человечность столкнулась с жестокостью нового мира. Дмитрий, инженер, сосредоточенно проверял крепления своей котомки, его практические знания были бесценны. Мария, молодая врач, выглядела изможденной, но ее решимость спасти жизни оставалась непоколебимой.

«Идем, – наконец произнес Артем, делая первый шаг по вязкой грязи. – Держитесь вместе. Никто не отстает».

Группа медленно двинулась за ним. Каждый шаг был тяжелым, вязким, словно сама земля не хотела отпускать их. Самолет, их последняя связь с прошлым, с миром, который исчез, медленно скрывался за горизонтом, утопая в буром месиве. Чувство уязвимости и неопределенности давило на всех. Над ними простиралось бескрайнее, безмолвное пространство, покрытое толстым слоем ила, в котором едва угадывались очертания разрушенных городов.

Погода ухудшалась. Мелкий, морозящий дождь превратился в затяжной ливень, смешиваясь с грязью и стекая по их лицам. Холод пронизывал до костей. Путь был тяжелым, опасным. Они шли по искореженному ландшафту, где каждый обломок мог таить в себе угрозу, а каждый шаг мог привести к падению в неизвестность.

Тишина была оглушительной, прерываемой лишь чавканьем их ног в грязи, шумом дождя и неровным дыханием. Это была тишина мира, который был смыт. Артем чувствовал нарастающую тяжесть отчаяния, но пытался сохранить внешнюю стойкость. Он оглядывался на группу, видел их изможденные лица, и понимал, что его вера в будущее постоянно подвергается испытаниям.

Они были последними людьми. Двадцать душ, затерянных в огромном, мёртвом мире. Путь в неизвестность только начинался, и каждый из них понимал: впереди их ждет еще больше испытаний, опасностей и, возможно, потерь. Но пока они шли. Шли вместе. И это было все, что имело значение.

Глава 11: Город под грязью

Утро, следующее за их исходом, не принесло облегчения. Небо оставалось затянутым, тяжелые, свинцовые тучи висели низко, словно обещание нескончаемой сырости. Воздух пропитался едким, затхлым запахом, который казался самой сутью нового мира – смесью влажной земли, разложения и скрытой, удушающей опасности. Каждый вдох отзывался в легких горечью, заставляя мышцы скукоживаться от промозглого холода, который пробирал до самых костей.

Они шли уже много часов, мерно отмеряя каждый шаг. Ботинки вязли в глинистой жиже, а каждый вытянутый из трясины ботинок издавал утробный чавкающий звук, словно земля не хотела отпускать их. Ландшафт менялся неуловимо, но неотвратимо: пологие, усыпанные обломками холмы постепенно сменялись более плоскими участками, на которых угадывались призрачные очертания того, что когда-то было городскими пейзажами. Здесь, где слой грязи достигал десяти метров, мир старой цивилизации был похоронен, погребен под безжалостным покровом нового времени.

Артем, несмотря на жгучую усталость, держался прямо. Его взгляд был прикован к горизонту, туда, где сквозь пелену дождя и ила проступали неясные силуэты высотных зданий. Это были не привычные бетонные джунгли, а скорее исполинские надгробия, пронзающие небеса, занесенные грязью до самых шестых, а порой и седьмых этажей. Контраст между прошлым величием и нынешним ничтожеством был настолько разителен, что обжигал глаза. В том, как безмолвно и равнодушно стояли эти исполины, чувствовалась насмешка самой судьбы.

Мария шла рядом с ним, ее лицо было бледным, но взгляд оставался сосредоточенным. Она пыталась различить что-то знакомое в этом апокалиптическом пейзаже, но все было чужим, искаженным, лишенным привычных ориентиров. «На что это похоже?» – ее голос был едва слышен, почти шепот, растворяющийся в шуме дождя. Артем на мгновение замедлил шаг. «На то, что осталось, Мария. На то, что смыло, но не унесло». Он не хотел углубляться в детали, чувствуя, как вина выжившего снова сжимает его горло. Почему он? Почему не другие, кто был ближе к земле, к родным, к невесте? Этот вопрос, тяжелый и безмолвный, давил на него сильнее, чем любой физический груз.

Постепенно, по мере их продвижения, контуры становились четче. Здесь и там из-под слоя бурой массы торчали верхушки светофоров, покореженные знаки дорожного движения, искореженные остовы машин, казалось, застывших в последнем, отчаянном танце. Все было покрыто толстой коркой грязи, словно забальзамированное в могиле из ила. Мир застыл, не дышал, лишь ветер, проносящийся над руинами, выл свою вечную, безмолвную песню.

Саша, до этого шедший молча, вдруг споткнулся и упал. Елена тут же бросилась к нему, помогая подняться. «Осторожнее, Саша, – мягко произнесла она, отряхивая грязь с его

куртки. – Смотри под ноги». Подросток лишь кивнул, его обычно необузданная энергия сейчас казалась притупленной. Он огляделся вокруг, и на его лице отразилось полное отчаяние. «Здесь... ничего нет, да? Просто грязь. И смерть». Виктор, шедший чуть поодаль, усмехнулся, его голос был пропитан цинизмом. «Что ты ожидал, мальчик? Дворцы и фонтаны? Это конец. Нужно привыкать». Артем резко обернулся. «Перестань, Виктор. Мы здесь, чтобы выжить, а не чтобы оплакивать». «Оплакивать то, что было, – это роскошь, которую мы себе позволить не можем», – парировал Виктор, в его словах сквозила скрытая угроза. «Нам нужны ресурсы, а не воспоминания».

Дмитрий, инженер, наконец подал голос. «В центре города, там, где были самые высокие здания, часть верхних этажей могла уцелеть. Или по крайней мере, быть не полностью занесенной. Возможно, там есть что-то, что можно использовать». Артем кивнул. «Это наш лучший шанс. Будем двигаться к центру. Посмотрим, что осталось от этого... города».

Они продолжили свой путь. Каждый шаг был погружением в то, что когда-то было прошлым. Среди грязи они начали замечать обрывки человеческого существования: кусок яркой ткани, застрявший на ветке дерева, наполовину погребенная детская игрушка, фрагмент керамики с едва различимым узором. Эти находки были немymi свидетелями трагедии, которая обрушилась на мир, и каждый из них чувствовал их тяжесть. Сердца сжимались от горя и ностальгии.

К полудню дождь начал стихать, превращаясь в мелкую морось, но видимость оставалась плохой. Воздух был настолько влажным, что казалось, можно пить его. Открылись новые, ужасающие детали: скелеты деревьев, обломанные, как спички, искореженные стальные конструкции, похожие на кости гигантских животных. В этом безмолвии, наполненном лишь шорохом дождя и их собственным неровным дыханием, одиночество ощущалось особенно остро. Они были двадцатью последними людьми, потерянными в огромном, мертвом мире.

Артем остановился у того, что когда-то было проезжей частью. Открылась ужасающая картина: огромные воронки, наполненные грязью, словно гигантские раны на теле земли, и повсюду – разбросанные, изуродованные обломки. Он почувствовал, как к горлу подступает ком отчаяния, но тут же подавил его. Он должен был быть сильным. Для них всех.

«Мы должны быть крайне осторожны, – сказал он, обращаясь ко всем. – Земля нестабильна. Любой шаг может стать последним. Ищите все, что можно использовать. Но не рискуйте ради хлама». Они начали прочесывать местность, их глаза, натренированные катострофой, теперь искали не привычные дорожные знаки, а лишь признаки выживания. Здесь и там они находили ржавые банки, обрывки проводов, куски пластика – все, что могло быть хоть как-то полезно. Но большая часть была бесполезной, лишь напоминанием о потерянном мире.

Когда солнце, пробиваясь сквозь облака, наконец показалось на мгновение, оно отбросило длинные, искаженные тени на руины. И в этом свете обнажилась еще одна ужасающая реальность: не только здания были погребены. Среди обломков и ила проступали контуры того, что раньше было людьми. Смытые, искаженные, они лежали там, где их настигла волна, словно восковые фигуры, застывшие в предсмертных муках. Невыносимый запах разложения, который до этого был фоновым, теперь стал осязаемым, пронзительным.

Мария ахнула, закрывая рот рукой. Елена отвела взгляд, ее лицо побледнело. Даже Виктор замолчал, его цинизм на мгновение отступил перед лицом такой всеобъемлющей смерти. Саша сбледнул, его глаза наполнились ужасом. Артем чувствовал, как его желудок сжимается. Это было то, о чем он знал, но не хотел видеть. Реальность, которую он пытался отсрочить. «Идем дальше, – глухо сказал он, его голос дрожал. – Здесь нечего делать».

Они прошли мимо этих безмолвных свидетельств, стараясь не смотреть, не дышать глубоко. Каждый шаг теперь казался осквернением могилы. Тишина давила еще сильнее, наполненная невысказанными ужасами и призраками миллиардов. Воспоминания о невесте, о старой жизни, нахлынули с новой силой, смешиваясь с этой ужасной реальностью. Артем крепко

зажмурился на мгновение, пытаясь отогнать образы, но они уже въелись в его сознание. Они были в городе под грязью, и этот город был их безмолвным, страшным учителем.

Глава 12: Болезни и ранения

Следующие дни стали чередой испытаний, невидимых, но оттого не менее коварных. С каждым часом, проведенным в промокшей одежде, с каждым глотком воды, очищенной в лучшем случае через скомканную ткань, с каждым шагом по вязкой, отсыревшей земле, невидимый враг крепчал. Им был не зверь из диких лесов, не мародер с дубиной, а вездесущая зараза, порожденная антисанитарией и царящим вокруг разложением.

Первыми симптомами стали легкое недомогание, знобящая дрожь, которую списывали на холод, и непреходящая тяжесть в мышцах. Затем начались лихорадки. Саша, самый молодой из них, слег первым. Его тело горело, а на губах проступили лихорадочные пятна. Мария, несмотря на собственное измождение, не отходила от него. Её медицинское образование, некогда подкрепленное современным оборудованием и стерильными условиями, теперь казалось насмешкой в этом мире.

Она осматривала Сашу, её пальцы ощупывали его пылающий лоб, а пронизательные глаза осматривали каждый сантиметр кожи. Набор медикаментов, чудом уцелевший в аптечке, был до смешного мал: несколько упаковок антибиотиков, обезболивающие, бинты – крохи надежды против целого океана болезней.

«У него сильное переохлаждение и, кажется, какая-то инфекция, – тихо произнесла Мария, обращаясь к Артему, который стоял рядом, с тревогой наблюдая за подростком. – Нужны чистая вода и покой. И хотя бы немного еды, чтобы восстановить силы».

Чистая вода была роскошью. Они собирали дождевую, процеживали через тряпки, но её чистота оставалась под вопросом. Еда... каждый сухой паек был на счету, делился скрупулезно, до крошки. Отдать Саше больше означало лишиться кого-то другого. Это была жестокая арифметика выживания, и Мария, обученная спасать жизни, сталкивалась с бессилием, которое давило на неё сильнее, чем физическая усталость.

Вскоре после Саши, кашель, изначально редкий и отрывистый, стал донимать Елену. Её пожилое тело, привыкшее к комфорту городской жизни, теперь с трудом переносило лишения. Она пыталась не подавать виду, но её вера в добро и человечность сталкивалась с жестокостью нового мира, и это отражалось на её лице – глубокие тени под глазами, напряженные уголки губ.

Виктор, который до этого держался особняком, вдруг начал жаловаться на боли в животе. Его прагматизм, доходящий до цинизма, теперь оборачивался против него самого, когда он чувствовал свою беспомощность перед лицом банального недуга. Он привык к контролю и власти, но теперь его деньги и связи ничего не значили перед лицом обычного поноса, который мог оказаться смертельным в этих условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.